

УДК 32

DOI 10.21661/r-555395

Арчаков М.К.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОТОЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в данной работе автором рассматривается вопрос протоэкстремистской деятельности. Выбор данной тематики обуславливается остротой проблемы экстремизма в современном мире.

Ключевые слова: экстремизм, протоэкстремизм, деятельность.

Проблема экстремизма в последнее время является одной из наиболее актуальных и для России, и для мирового сообщества в целом. И связано это, прежде всего, с ростом политической активности радикальных организаций, объединений и групп. Причем спектр этой активности достаточно широк и проявляется как в политическом хулиганстве (оскорбление представителей власти, несанкционированное проведение митингов, пикетов, нанесение надписей политического характера и т. д.), так и в политических убийствах, захвате заложников, деятельности различных террористических организаций.

Некоторые исследователи определяют «экстремизм», исходя из этимологии данного понятия, подчеркивая, что слово «экстремизм» образовано от латинского «*extremus*» – крайний, что, в общем, и довольно абстрактном смысле означает приверженность к крайним мерам, действиям, взглядам и решениям [1, с. 67]. И это более широкая трактовка понятия «экстремизм». Но, как правило, чаще обращают внимание на то, что экстремизм – это политическая практика, незаконная деятельность политических партий и движений, политическая идеология, предусматривающая принудительное распространение ее принципов, нетерпимость к оппонентам и насильственное их подавление. А, по мнению С.А. Боголюбова, это политологический и публицистический термин, обозначающий все нежелательные и опасные для государства действия [2, с. 53].

Иными словами, в современных научных исследованиях термин «экстремизм» преимущественно рассматривается как явление политической жизни, «состоящее в проведении специфической линии в политике, отвергающей компромиссы с противодействующей стороной и отражающей наиболее агрессивные установки субъекта, и как разновидность существующих политических течений, находящихся на крайне левых или крайне правых политических позициях, и как метод политической борьбы, отвергающий согласование и сотрудничество с политическими оппонентами или противниками, и как негативный социальный протест, развивающийся на уровнях – общество, классы, отдельные общественные слои, этнонациональные и профессиональные группы – в различных территориальных пределах и на различной идейно-психологической и политической основах» [3, с. 21].

Не отрицая сферу политики, как основную для проявлений экстремистской деятельности, следует отметить, что экстремизм присутствует в самых различных областях человеческой жизни: в экономике, социальных и межнациональных отношениях, религиозной жизни, экологической сфере, в искусстве, музыке, деятельности молодежных группировок и т. д. Неслучайно, в последнее время, значительное место уделяется исследованиям молодежного экстремизма и поиску эффективных мер противодействия ему.

Поэтому политический экстремизм можно считать разновидностью более широкого понятия – категории «экстремизм» наряду с экономическим, социальным, религиозным, молодежным, бытовым и прочим. То есть под экстремизмом можно понимать любую форму экстремального социального поведения. Это могут быть действия отчаявшихся (например, социальный протест с перекрытием автодороги) или неуравновешенных (психически больных) людей, а могут быть массовые уличные драки представителей молодежных неформальных группировок.

Таким образом, спектр проявлений экстремистских действий в современном обществе достаточно широк и поэтому требует переосмысления и более

конкретного определения базового понятия «экстремизм» для того, чтобы четко определить, с чем и против кого обществу надо вести борьбу.

Экстремизм представляет собой сложное, исторически меняющееся явление (например, эпоха Средних веков не знала такого понятия как «леворадикальный или праворадикальный экстремизм»), сопровождающее человечество на всем протяжении его истории.

Исходя из современных представлений, истоки экстремизма лежат в глубокой первобытной древности. Поскольку племенную вражду за лучшие места (территорию) обитания, лучшие условия для выживания, сопровождающуюся обоюдным насилием, набегами, убийствами пленных (лишние едоки), захватом чужого имущества (добычи) с позиций сегодняшнего дня можно квалифицировать как проявления экстремизма, т.е. использование крайних мер для решения проблемы захвата лучшей среды обитания. Причем нередко такой «экстремизм» был оправдан необходимостью выживания первобытных племен в условиях враждебной внешней среды, т.е. диктовался вполне объективными реалиями того времени. Безусловно, мы не можем классифицировать этот вид первобытного «экстремизма» как политический, религиозный, социальный или национальный, но мы можем вполне рассматривать его как исторически сложившуюся основу (форму) развития экстремистской деятельности вообще. Тем более что совершенные в ту эпоху массовые убийства, обращение захваченных пленных в рабов, захват чужого имущества и другие деяния нельзя квалифицировать исходя из современных политических и уголовно-процессуальных норм. Но те же деяния вполне можно отнести к протоэкстремистской деятельности, т.е. той на основе которой, в последующем, возникнет такое явление как политический экстремизм.

Так на стадии развития позднепервобытной общины, по мнению А.И. Першица, Ю.И. Семенова, В.А. Шнирельмана: «Конфликты имели не столько внутригрупповой, сколько межгрупповой характер. Между членами разных линджей, родов и тяготевших к ним общин возникали ссоры из-за несоблюдения правил дарообмена, полового и брачного соперничества и по различным другим

причинам. Члены линиджа, рода, общины заступались за своего, а в случае его смерти мстили. Так получила развитие кровная, или родовая, месть, при которой любой из близких убитого был обязан отплатить за кровь любому из близких убийцы» [4, с. 53].

Период разложения родоплеменного строя, становления частной собственности, классов и государства совпал с бурным развитием военной активности. Конечно, войны существовали и раньше – из-за нарушения племенных границ, убийства соплеменника, похищения женщины, предполагаемой магической «порчи» и по другим поводам. Теперь, с появлением богатств и жажды наживы, грабеж давал возможность быстрого обогащения. Поэтому эпизодические в прошлом столкновения превратились в регулярные, массовые и организованные – войны в собственном смысле слова. Войны теперь сделались как бы постоянным промыслом. Победители забирали с собой все, что представляло ценность – сокровища, скот, рабов, а затем, с ростом населения, начали захватывать и соседние земли. Начала меняться сама психология людей эпохи классового образования: грабеж стал считаться почетным занятием, мирный труд – непрестижной и даже постыдной деятельностью для настоящего мужчины.

Если обратиться к российской истории, то, опираясь на «Повесть временных лет» можно отметить, что до объединения большинства восточнославянских племен под властью Киева, существовало, по меньшей мере, пятнадцать крупных племенных союзов, которые враждовали между собой, участвовали в столкновениях с окрестными племенами – хазарами, обрами, печенегами, т.е. ПВЛ описывает военные походы, убийства пленных, захват чужого имущества, обложение данью побежденных [5, с. 112]. То есть – все то, что после образования государства и разработки норм права можно будет квалифицировать как экстремистскую деятельность.

Таким образом, экстремизм как социальное явление возникает на стадии развития родоплеменных отношений (протоэкстремизм) и в последующем, с момента появления государственных структур, начинает приобретать политический характер.

Если рассматривать экстремизм как философскую категорию, то вполне можно говорить о нем как о явлении социального бытия. Иными словами, любое проявление экстремизма есть проявление его бытия в различных формах и видах. С точки зрения «Науки логики» Г. Гегеля, сам по себе «экстремизм» – это категория «чистого бытия», предельно абстрактная, неопределенная и содержательно бедная. К тому же, многие исследователи данной проблемы обращают внимание на отсутствие в философской и политологической литературе общепринятого строгого определения понятия «экстремизм».

Действительно, в общепринятом смысле, «экстремизм» – это приверженность к крайним взглядам и действиям. То есть можно сказать, что экстремизм есть, существует и проявляется в различных крайних взглядах и действиях, главным образом, в политике. Но, прежде чем стать действительно «наличным бытием», т.е. бытием с некоторой степенью определенности, экстремизм как «чистое бытие» проходит стадию «становление». «Становление» – это как раз этап возникновения экстремизма как социального явления (протоэкстремизм) на стадии развития родоплеменных отношений, когда условия необходимые для выживания во внешней враждебной среде потребовали и привели к проявлению агрессивности человека не только на охоте и в обороне от хищных зверей, но и в применении насилия против возможных конкурентов из числа себе подобных.

Проблема зарождения экстремизма как социального явления в период развития родоплеменных отношений, позволяет говорить о первоначальном его этапе – протоэкстремизме, т.е. догосударственной стадии в развитии человеческой деструктивности. Здесь еще не сложились государственные, политические, экономические, правовые и прочие отношения и поэтому политический экстремизм – это некая «вещь в себе», которая «раскроется», станет «вещью для себя», обретет видимые формы, признаки, свойства только на стадии государственности, с образованием первых политических систем.

Проявления протоэкстремизма на догосударственной стадии – межплеменные конфликты, убийства, в том числе, кровная месть, захват пленных и обращение их в рабство, грабеж чужого имущества, обложение данью побежденных,

невозможно квалифицировать исходя из современных нормативно-правовых актов, но вполне можно обозначить как экстремистские действия, исходя из процесса становления данного социального явления.

Второй этап в развитии экстремизма – государственный, связан не только с образованием государства, институциональных органов власти, возможности применения насилия со стороны государственных структур, но и с появлением различных видов экстремизма – политического, экономического, социального, религиозного и т. д. По мнению А.А. Козлова: «В этом смысле, понятие «экстремизм» должно быть понято широко и не должно сводиться лишь к политическому экстремизму, ибо проявления экстремизма обнаруживают себя во всех сферах человеческой активности: в межличностном общении (бытовой экстремизм), во взаимодействии полов (сексуальный экстремизм), в отношении к природе (экологический экстремизм) и т. д.» [6, с. 6].

На данном этапе появляются не только виды экстремизма, но и его основные типы: государственный и оппозиционный. Государственный экстремизм осуществляется субъектами, которым принадлежит реальное экономическое, политическое и духовное господство в данном обществе. И оппозиционный – экстремизм со стороны подчиненных социальных групп, классов и слоев. Как отмечает А.М. Кадиева: «Если первый преследует цель сохранения власти и связанных с ней привилегий высшими слоями общества, то второй выступает как защитная реакция на резкое качественное ухудшение условий жизни низших, подчиненных социальных групп или на реальную угрозу такого ухудшения» [7, 136].

Естественно, с точки зрения общечеловеческих норм и ценностей экстремистское насилие хоть государственное, хоть оппозиционное оправдать нельзя, поскольку экстремизм только обостряет ситуацию, доводит ее до крайности, обоюдного насилия противостоящих друг другу социальных групп, в силу чего спокойное конструктивное разрешение конфликта, как правило, становится невозможным. Но если вопрос с проявлениями оппозиционного экстремизма достаточно неплохо изучен, то проблема государственного экстремизма требует некоторого пояснения.

На первый взгляд любое государство в случае необходимости использует легитимное политическое, а экстремизм проявляется в нелегитимных насильственных действиях. Однако, по мнению В.С. Мартянова: «Любое государство может выступать и субъектом нелегитимного насилия, если такое государство или его отдельные институты используют аппарат насилия, принуждение и законы для служения тем или иным частным или корпоративным интересам, отождествляемым с национально-государственными» [8, с. 86].

Хрестоматийным историческим примером такого использования аппарата насилия и принуждения для служения частному, корпоративному интересу служит печально известный факт сбора дани киевским князем Игорем с древлян в 945г. Князь Игорь и его дружина выступали как органы власти Киевской Руси и собирали дань как своеобразный «налог» с подданных государства. Однако дань не была фиксированной, и поэтому брали все, что можно было взять, примеряясь к той или иной местности и виду хозяйства. Поэтому во время сбора дани нередкими были проявления насилия над жителями и их выступления против княжеских людей. Чем закончился очередной сбор дани князем Игорем с древлян хорошо известно: дружину перебили, а самого князя казнили лютой смертью. Так взяв один раз дань с древлян, и решив взять еще, князь Игорь заплатился за «служение» не государственному, а частному, корпоративному интересу приближенных к нему людей – «малой» дружины.

Вообще, история знает немало примеров (массовые необоснованные репрессии в сталинской России, Холокост, «культурная революция» в Китае и др.), когда экстремистской может стать не только деятельность маргинальных групп, но и политика, официальная практика и законы крупных «цивилизованных» государств.

Кроме того, государство может выступать субъектом правовой борьбы с экстремизмом, не отказываясь, в то же время, от проведения собственной экстремистской политики, использования методов нелегитимного насилия в отношении оппозиционных организаций и групп. Примером применения таких «двойных» стандартов были режимы Муссолини в Италии, Гитлера в Германии,

Франко в Испании, Стресснера в Парагвае, Пиночета в Чили, а также на Гаити, в Аргентине, Гватемале, Сальвадоре, ЮАР, Уругвае и Южной Родезии.

По мнению В.С. Мартьянова, борьба государства с экстремизмом выполняет две важнейшие функции: во-первых, она олицетворяет моральность существующего государственного устройства, социально-экономической системы и тех, кто действует от их имени и, во-вторых, она четко разводит нормальное и патологическое, легальное и нелегальное, закон и насилие и т.п [8, с. 86]. Не менее важной функцией, на наш взгляд, является та, которая позволяет сформировать образ «врага» (враги, вредители, масоны, шпионы и т. п.) в массовом сознании с целью объяснения кризисов, неудач, провалов в политике, проводимой существующим правящим режимом. Неслучайно государственная монополия на классификацию политического поля позволяет «выталкивать» за его пределы всех (радикальные оппозиционеры, партии, движения), кто хотя бы потенциально угрожает существованию того или иного политического режима.

Поэтому для любого государства экстремизм – это некая, выражаясь языком Ж. Бодрийяра, «проклятая сторона вещей» официальной политики, противоположность закону и порядку.

Следовательно, с момента появления первых государств и вплоть до настоящего времени, объективной реальностью стали проявления экстремизма в различных сферах жизни, что характеризует государственный этап в развитии этого социального явления. Конечно, периодизация этапов развития экстремизма этим не исчерпывается и возможен в дальнейшем некий третий – постгосударственный этап, но на данной стадии развития экстремизм, в каких бы он видах не проявлялся, испытывает, и будет испытывать воздействие (борьба или использование) органов государственной власти.

Таким образом, проведенное исследование позволяет предположить, что экстремизм – это не своеобразный ярлык для навешивания оппонентам, а достаточно динамично развивающееся явление современной политической жизни.

Список литературы

1. Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. – 2018. – №9. – С. 61–72.
2. Боголюбов С.А. Нужен ли закон о противодействии политическому экстремизму? // Адвокат. – 2019. – №11. – С. 48–67.
3. Кофман Б.И. Терроризм: история и современность / Б.И. Кофман, С.Н. Миронов, А.А. Сафаров, Н.Х. Сифиуллин. – Казань, 2017.
4. Першиц А.И. Война и мир в ранней истории человечества / А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, В.А. Шнирельман. – М., 1994.
5. Повесть временных лет. – М., Л. – 1950. – Ч. 1.
6. Козлов А.А. Молодежный экстремизм. – СПб., 1996.
7. Кадиева А.М. К вопросу о сущности религиозного экстремизма // Религиоведение. – 2017. – №4. – С. 131–143.
8. Мартыянов В.С. Умножение зла добром // Свободная мысль. – 2018. – №5. – С. 86.

Арчаков Михаил Константинович – д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет», Благовещенск, Россия.
